

УДК 82.09:398.5 (430)
ББК 81.1 Нем
Т-49

Тлевцежева Марият Аслановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета, тел.: 89284671791.

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ
И СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННОМ СОДЕРЖАНИИ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э.Т.А.ГОФМАНА**
(рецензирована)

Статья посвящена фольклорным сюжетам в романтических сказках Э.Т.А. Гофмана. Акцент сделан на художественные особенности, основанные на фольклорных мотивах немецкого романтизма, нашедших отражение в творчестве писателя. Автор рассматривает некоторые фольклорные и психологические парадигмы в эстетике романтизма.

Ключевые слова: контаминация, романтическое двоемирие, фольклоризм, экзальтированный герой, двойственность бытия, странничество, фантастический мир, сказочный, фольклорный элемент.

Tlevtsezheva Mariet Aslanovna, Cand.Phil.Sci., assistant professor of the department of foreign languages at the faculty of information systems in economics and jurisprudence, Maikop State Technological University, Tel.: 89284671791.

**FOLK MOTIVES IN CULTURAL, AESTHETIC
AND SUBJECT COMPOSITION CONTENT OF E. T. A. HOFFMAN'S
LITERATURE WORKS**

The article is devoted to folklore plots in romantic fairy tales of E.T.A. Hoffmann. The great attention is paid to art features based on folklore motives of German romanticism. These features found reflexion in the writer's works. . The author considers some folklore and psychological paradigms in an aesthetics of romanticism.

Keywords: contamination, romantic world duality, folklore words, an ecstatic hero, life duality, wandering, fantastic world, fairy - tale, folklore element.

Становление образной системы, композиции и проблематики произведений Э.Т.А. Гофмана происходило на основе контаминации или полемики индивидуального, базирующегося на фольклорных принципах, мировидения автора с художественным мышлением предшественников и современников.

В строгом смысле основная категория творчества Э.Т.А. Гофмана -романтическое двоемирие (трагический разрыв между мечтой, которая недостижима, и реальностью, которая неприемлема) было декларировано «отцами» немецкого романтизма - писателями Ф. Шлегелем, Новалисом, Л. Тиком и др. Однако романтическое двоемирие ранних романтиков не носило характера истинного трагизма. Вот мнение о творчестве немецкого писателя Э.Т.А. Гофмана современного литературоведа Д. Чавчанидзе: «Для великих романтиков, среди которых Гофман занимает одно из самых почетных мест, остались загадкой больно ранившие их противоречия жизни. Но они первые заговорили об этих противоречиях, о том, что борьба с ними -борьба за идеал - самый счастливый удел человека. И едва ли не громче всех звучал среди них голос Гофмана».

Можно выделить целый ряд художественных особенностей основанного на фольклоре романтизма, нашедших свое отражение в творчестве Гофмана, к примеру, одушевление природы благодаря употреблению метафор, олицетворения; воспевание

темы странничества, вызванного страстью к движению, к переменам, уход в природу. Это и необычайная музыкальность лирических произведений, связь с народной песней и наличие присущих ей задушевности и простоты; существенное внимание к личности, ее универсальности; выдвигание на первый план личности художника- поэта, музыканта, живописца.

Так, одно из собственных определений понятию многогранному «поэт» писатель дает в своей новелле «Крошка Цахес по прозванию Циннобер» (1819) устами доброго волшебника Проспера Альпануса, обращающегося к центральному герою Бальтазару: <...> я люблю юношей, у которых, подобно тебе, любезный Бальтазар, в чистом сердце заключено нетерпеливое стремление и любовь, в чьих душах находят отзвук те величественные аккорды, что доносятся из дальней, полной божественных чудес страны - моей родины. <...> в эти мгновения ты и впрямь постигаешь чудесные голоса природы, ибо в твоей собственной душе возникает божественный звук, порожденный дивной гармонией сокровеннейших начал природы. Так как ты играешь на фортепиано, о, поэт, то тебе, верно, известно, что взятому тону вторят все ему созвучные. Этот закон природы взят мною не для пустого сравнения <.. .>».

Вообще музыка играла в творчестве романтика Гофмана огромную роль. Образ музыканта был для Гофмана синонимом мечтателя, и этот образ проходит через большинство его произведений, противопоставляется пошлому мещанину-филистеру. Странствующий музыкант, благородный энтузиаст, непрактичный в быту, презирающий материальные блага, он любит искусство и в нем находит высочайший смысл жизни. Герой «музыкант» - человек неограниченных творческих возможностей, стремящийся душой к идеалу, чувствующий себя неуютно в материальном мире. Именно поэтому любимые герои Э.Т.А. Гофмана крайне неуклюжи - наступают на подол дамам, роняют чернильницы, спотыкаются и наступают на лужи, как студент Ансельм из «Золотого горшка».

Как и другие романтики до него, Гофман развивает тему Востока, пишет о любви и о юношеских страданиях. Как Гете и Новалис, Гофман активно использует тему единства жизни и смерти как целостного процесса, пишет философскую лирику, отражающую проблемы бытия.

Принадлежность Э.Т.А. Гофмана к фольклорно-насыщенному романтическому течению проявляется в портретных характеристиках персонажей, изобилующих красочными эпитетами и выразительными сравнениями. К примеру, девушка, испуганная поведением черного кота в новелле «Золотой горшок»: «<...> ей казалось, что ледяные когти впиваются в ее сердце <...>». Либо восхищение рассказчика в новелле «Дон Жуан» выражаемое с помощью традиционных средств выразительности: «никто не мешает мне всеми фибрами души, точно щупальцами полипа, охватывать и вбирать в себя исполняемое с таким совершенством великое творение» и столь же сильный, но прямо противоположный по окрашенности эффект от другого яркого эпитета: «<...> в нее, точно мерзкое, изрыгающее смертельный яд чудовище, впилося сознание, что она погибла». Или нечто подобное и столь же выразительное в рассказе Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек»: «И тут безумие впустило в него огненные свои когти и проникло в его душу, раздирая его мысли и чувства».

В творчестве Гофмана отразились и такие недостатки романтизма, как некоторый субъективизм в описании чувств и событий, идеализация старины, в основном средневековья, а в некоторых случаях и пассивная позиция -отрыв от реальной жизни, уход в нереальный, фантастический мир.

Анализ литературных произведений эпохи романизма, проделанный литературоведами за два столетия и много раз уже обобщенный, показал, что писатели-романтики используют устойчивый набор романтических «правил», к которым относятся как особенности построения художественного мира, (двоемирие, экзальтированный герой, странные происшествия, фантастические образы), так и особенности строения

произведения, его поэтика (использование экзотических жанров, например, сказки; прямое вмешательство автора в мир героев; использование гротеска, фантастики, романтической иронии и т.д.). Именно этот комплекс характеристик и позволяет отнести новеллу Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок» (1814) к разряду романтических произведений. Первый из вышеназванных - это характерный для романтизма сюжетный признак двоемирия, в основе которого лежит образ некоей Волшебной страны (здесь у Гофмана -Атлантиды), присущий европейскому фольклору.

В европейском фольклоре люди обычно становятся пленниками эльфов, которые насильно удерживают их в Волшебной стране. Фейри похищают не только детей, но и взрослых. Они заманивают к себе юношей, которые умеют играть на музыкальных инструментах и хорошо поют, а самые красивые из этих юношей становятся любовниками принцесс-чародеек. Впрочем, для мужчин опасность быть похищенными не столь велика; а вот женщинам, как утверждают сказки и предания, она угрожает буквально на каждом шагу. Молодых матерей выкрадывают, чтобы они выкармливали грудью младенцев-фейри; поэтому с рождения ребенка и до свершения над женщиной очистительного обряда необходимо принимать всевозможные меры предосторожности. Короли и принцы фейри часто женятся на смертных женщинах, причем свадьбе почти всегда предшествует похищение.

В данном случае имеет место мотив о добывании героем чудесной красавицы при помощи сверхъестественных предметов или существ. Считается несомненным его восточное происхождение, так как при близком ее рассмотрении ученые обнаруживают сохранные отрывки из древнейших поэм древней Азии. Этот мотив отражен еще в «Тристане и Изольде», средневековом романе двенадцатого века, где герой, предварительно победив огнедышащего дракона в Ирландии, на всю жизнь завладевает любовью Изольды с помощью «любовного напитка». Сказки о женитьбе героя на царевне, освобожденной от змея, - продолжение и развитие предыдущего мотива. Этот мотив известен в христианских легендах (о святом Георгии, о святом Тироне), в славянском героическом эпосе (о Марке Краевиче, о Добрыне Никитиче, о Кирилле Кожемяке) и др.

В рассматриваемом варианте, принадлежащем перу Э.Т.А. Гофмана, такого рода похищение также имеет место. Именно об этом говорится в рассказе Серпентины Ансельму о своём отце-архивариусе Линдгорсте, который, как оказалось, является доисторическим стихийным духом огня Саламандром, жившим в волшебной стране Атлантиде, но укравшем свою любимую - дочь лилии змею и сосланном на землю разгневанным князем духов Фосфором. Вообще Змея в мировом фольклоре - поэтический образ, очень сложный по своему происхождению, встречающийся еще на первых страницах Библии как мудрейшая из всех земноводных.

Стилистику повести «Золотой горшок» отличает использование характерного для фольклорной поэтики гротеска, что является не только индивидуальным своеобразием творческого стиля Гофмана, но и романтической литературы в целом: «Он остановился и рассматривал большой дверной молоток, прикрепленный к бронзовой фигуре. Но только он хотел взяться за этот молоток при последнем звучном ударе башенных часов на Крестовой церкви, как вдруг бронзовое лицо искривилось и осклабилось в отвратительную улыбку и страшно засверкало лучами металлических глаз. Ах! Это была яблочная торговка от Чёрных ворот...», «шнур звонка спустился вниз и оказался белою прозрачною исполинскою змею...», «с этими словами он повернулся и вышел, и тут все поняли, что важный человек был, собственно, серый попугай».

Подобная фольклорная выразительность вполне закономерна для произведения, несущего в себе действительно сказочный смысл. Для Гофмана несомненно превосходство мира поэтического над миром реальной повседневности, и он воспевает этот мир сказочной мечты, отдавая им предпочтение перед миром реальным, прозаическим. Изображение этого сказочного мира «всегда требует иносказательного, особого языка, поскольку есть в сказках то, о чем нельзя говорить обычными словами.

Тайна, волшебство, сокровенность древних знаний не может быть передана запросто, иначе мудрость потеряется, растворится, станет глупостью. Стало быть, особый язык сказок - необходимость, продиктованная человеческой привычкой не обращать внимания на обычные слова. В сказках - каждое слово важно».

Большинство исследователей признает явную отнесенность жанра новеллы Э.Т.А. Гофмана «Золотой горшок» к литературной сказке. Так, по словам современного литературоведа А.С.Дмитриева, «Смысл красноречивого подзаголовка «Сказка из новых времен» заключается в том, что действующие лица этой сказки - современники Гофмана, а действие происходит в реальном Дрездене начала XIX в. Так переосмыслиется Гофманом йенская традиция жанра сказки - в ее идейно-художественную структуру писатель включает план реальной повседневности». Другой современный исследователь по этому поводу отмечает следующее: «Под пером Гофмана необыкновенное, фантастическое возникает из реальных вещей и событий; источником чудесного становится обыденная жизнь». О своей повести-сказке сам автор писал, что она «фантастическая и чудесная, но в то же время смело вторгается в жизнь».

Таким образом, отнюдь не отвергая необходимости обращения художника к увиденному им самим в реальной действительности, Э.Т.А.Гофман решительно настаивает на том, чтобы вымышленный мир изображался настолько четко и ясно, как если бы он предстал перед взором художника в качестве мира реального. Ощущение двойственности бытия, мучительного разлада между идеалом и действительностью пронизывает все его творчество, однако, в отличие от большинства его собратьев, он никогда не теряет из виду земную реальность и, наверное, мог бы сказать о себе словами раннего романтика Ваккенродера: «несмотря ни на какие усилия наших духовных крыл оторваться от земли невозможно: она насильственно притягивает нас к себе, и мы снова шлепаемся в самую пошлую гущу людскую». «Пошлую гущу людскую» Э.Т.А. Гофман наблюдал очень близко; не умоглядно, а на собственном горьком опыте постиг он всю глубину конфликта между искусством и жизнью, особенно волновавшего романтиков.

Таким образом, Э.Т.А. Гофман, используя традиционные фольклорные сюжеты, разрабатывает их по-своему, используя и свою авторскую фантазию, и возможности, предоставленные ему течением романтиков, к которому он принадлежит, и жанром сказки, избранным им по собственной воле. Одним из подобных фольклорных элементов можно считать подробнейшее описание магического ритуала приворожения, проведенного старухой-ведьмой с целью помочь безответно влюбленной в Ансельма девушке Веронике.

Вообще образ старухи-ведьмы предстает непосредственно заимствованным из древнего фольклора, в котором ведьмы могли предсказывать будущее, делать как лекарства, так и яды с приворотными зельями. В то же время они могли навредить, как говорят в народе, навести «порчу», наслать болезнь. Они наделялись способностью оборотничества, летать по воздуху, оживлять любой предмет, делаться невидимыми. Их атрибутами были летучие мыши, черный кот, помело, кочерга, волшебные травы и т.п. Но особая внутренняя связь была, как считалось, у ведьм с кошками.

В народных поверьях обычная внешность ведьм, как правило, воплощалась в безобразной старухе. Но ведьма могла принимать и облик молодой привлекательной женщины. В сказках и народных преданиях ведьмы могли летать верхом на помеле, на козле или свинье, в которых они могли превратить человека. Что касается авторской разработки в данном случае традиционного фольклорного персонажа - черного кота, то в повести-сказке Э.Т. Гофмана «Золотой горшок» дается своеобразная характеристика сопровождающего ведьму существа: «... Черный кот вовсе не злобная тварь, а образованный молодой человек самого тонкого обращения и ее *cousin germain* (франц.- двоюродный брат)».

Холодной, ненастной ночью старуха- гадалка ведет Веронику в поле, где разводит огонь под котлом, в который летят из мешка старухи цветы, металлы, травы и зверюшки,

а вслед за ними – локон с головы Вероники и ее колечко. Девушка неотрывно глядит в кипящее варево – и оттуда является ей лицо возлюбленного. Многие в фольклоре связывают ведьм с целебными растениями, которые, как считалось, использовались для приготовления колдовского зелья. Различные травы (папоротник, белоголовник, шалфей, плакун, дурман, адамова голова, иван-да-марья, чертополох, подорожник, полынь и др.) ведьмы собирали в ночь на Ивана Купалу. Считалось что, эти травы приобретали в руках ведьм особую силу. Из них ведьмы, как и героиня повести Э.Т. Гофмана, готовили различные зелья и могли таким образом творить магические ритуалы.

Фольклоризм произведения, впитавший элементы мирового фольклора (наличие сходных персонажей и символов отмечается не только в фольклоре немцев, но и в устном творчестве других народов), придает конфликту повести глобальный характер борьбы Света и Тени, Добра и Зла Жизни и Смерти, осмысление которого дошло до нас из глубины веков через космогонические культы дневного и ночного светил, обрядовые формы и предпочтение перед миром реальным, прозаическими.

Литература:

1. Ваккенродер В.Г. Фантазии об искусстве / В.Г. Ваккенродер . – М., 1977. – С. 154.
2. Гофман Э.Т.А. Новеллы / Э.Т.А. Гофман. – М., 1991. – С. 20, С. 28, С. 45- 46, С. 75, С. 94, С. 143, С. 295.
3. Дмитриев А.С. Немецкая Литература: Романтизм / А.С. Дмитриев // История зарубежной литературы XIX века / под ред. Н. Соловьевой. – М., 1991. – С. 34-113.
4. Зарубежные писатели: биограф. словарь. – М., 1997. – С. 25.
5. Мифы народов мира.-1997. – Т. 1. – С. 226-227.
6. Романчук Л. Сказки и фэнтези – параллели и перпендикуляры / Л. Романчук // Порог. – 2003. - №6. – С. 47-51.
7. Чавчанидзе Д. Романтический мир Эрнста Теодора Амадея Гофмана / Д. Чавчанидзе // Гофман Э.Т.А. Золотой горшок и другие истории. – М., 1983. – С. 345.